

Отзыв официального оппонента

на диссертацию В. М. Чекмарёва

«Влияние английской художественной культуры на становление и развитие русского садово-паркового искусства (до середины 19 века)»,

представленную на соискание степени доктора искусствоведения

по специальности 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Диссертационная работа Владимира Михайловича Чекмарева представляет собой масштабное фундаментальное исследование, освещающее более чем трехвековую историю русско-британских связей в области садово-паркового искусства второй половины 16 – первой половины 19 веков. Хронологические рамки заданы временными границами влияния английской культуры на отечественное ландшафтное искусство, и включают периоды его становления, развития, расцвета и укоренения в лоне русской художественной традиции.

Этой логике следует структура диссертации, основное содержание которой делится на шесть глав. Первая, охватывающая обширный период от самых ранних зафиксированных в литературе примеров знакомства британцев с русской флорой и фауной, а русских – с садами и парками Англии, до заведения регулярного садоводства в петровское время, по сути посвящена знакомству с опытом британского «садоустройства» в эстетике маньеризма и барокко и адаптации его на русской почве. Особое внимание уделено деятельности английских парковых мастеров в России, работавших как над обустройством собственных садов, так – и особенно – по созданию Аптекарских и Потешных

государевых огородов по царскому заказу. Приводятся многочисленные факты широкого привлечения английских мастеров: от Христофора Галовея и Петра Энглеса, служивших при Михаиле Федоровиче в Москве, до обширной армии британских подданных, трудившихся над обустройством Петербурга и его резиденций. Уже первая глава позволяет обратить внимание на очевидное достоинство работы в целом, а именно: на сочетание огромного фактического материала, связанного с деятельностью конкретных людей, обстоятельствами их появления в России, практическими задачами, которые ставились перед ними русскими заказчиками, с широким общекультурным контекстом, позволяющим не только определить статус мастеров, но и механизм сложения тех или иных художественных приоритетов, запечатленных плодами их творчества.

Так, в финальной части первой главы любопытнейшим образом «сходятся» уже устоявшаяся привычка в сложных парко-строительных вопросах опираться на англичан и привнесение этими англичанами на русскую почву идей пейзажного садоводства, что было вызвано не только развитием нового подхода к парковому искусству на их родине, но и реальными задачами вставшими перед ними в России и связанными с необходимостью осмыслить и представить как единый обустроенный ландшафт обширную прибрежную местность, примыкающую к прокладываемой Петергофской дороге.

Вторая глава посвящена «образам и образцам» российского английского сада и является развитием известного тезиса Д.С. Лихачева о том, что пейзажный парк появился в литературе раньше, чем в натуре. В рецензируемом труде это тезис получает всестороннее развитие на конкретных примерах как из области художественной литературы, так и из специализированных изданий.

Третья – шестая главы посвящены периоду расцвета пейзажного парка в России. В 3 и 4 главах анализируется роль заказчиков – императорского двора и российской аристократии, чей непосредственный интерес к британскому садоводству обусловил пышное развитие пейзажных парков на отечественной почве. В пятой и шестой главах рассматривается деятельность чуть ли не полусотни британских мастеров, их роль в создании парковых ансамблей в петербургском и московском регионах.

Здесь хотелось бы отметить еще одно очевидное достоинство рецензируемой работы, а именно – сочетание обширности и достоверности материала, представленного и анализируемого в опоре на источники и в пиетете к ним. Именно это позволило соискателю осветить, с одной стороны, художественные предпочтения заказчиков, отметить их роль в создании тех или иных памятников садово-паркового искусства, а с другой стороны, внимательно рассмотреть специфику творческого процесса в этой сфере – от уточнения терминологии до реконструкции замысла и первоначального облика как широко известных, так и прежде обойденных вниманием парковых комплексов. В этих главах исследователь вводит в научный оборот серьезный корпус фактического материала, что само по себе является ощутим вкладом в изучение избранной темы.

Однако основной эвристический пафос данного исследования состоит в другом – в смелой и весьма успешной попытке представить историю английского сада на русской почве в исторической перспективе или, пользуясь термином Ф. Броделя, в длительной временной протяженности. На наш взгляд, такой подход представляется назревшим и актуальным. На данный момент садово-парковое искусство трудно назвать маргинальной областью. Однако стоит вспомнить, что так было далеко не всегда. Долгое время оно рассматривалось лишь в связи с изучением дворцово-парковых ансамблей с неизбежным акцентом на

архитектурную проблематику. Если говорить предельно обобщенно, в отечественной традиции «поэтика садов» приобрела статус самостоятельной и значимой области лишь в трудах Д.С. Лихачева, впервые погрузившего «сугубую практику парко-строения» в широкий культурный и эстетический контексты. Следствием этого стал все растущий интерес к садово-парковому искусству, развивавшийся в двух направлениях: *фактологическом*, связанном с реконструкцией истории памятников, биографий их создателей и пр., и *культурологическом*, представленном работами, раскрывающими поэтику парковых ансамблей, как правило, во взаимосвязи с различными литературными публикациями. И то, и другое направление, как всегда случается в период углубленной разработки вновь актуализированного предмета, были сосредоточены на частном примере, на детальной реконструкции отдельного памятника или запечатлённой в нем поэтической метафоры. На этом пути коллегами соискателя был накоплен немалый опыт, изобилующий интереснейшими открытиями, которые автор исследования учитывает с уважением и скрупулёзностью. Однако действительно настал момент попытаться осмыслить накопленный опыт в целом, комплексно. Для чего исследователем выбран один, но определяющий аспект, связанный с английским влиянием на развитие отечественного садово-паркового искусства.

Содержание работы не оставляет сомнения в том, что главная задача исследования, которую автор заявил как «воссоздание общей картины двустороннего художественного сближения в садово-парковом искусстве в рамках широкого культурно-исторического контекста» (Автореферат, с. 5), успешно решена. В немалой степени следствием этого стала возможность усмотреть и некоторые недочеты, большая часть которых связана не столько с авторской интерпретацией темы, сколько с возможностью ее дальнейшего развития.

Остановлюсь на некоторых из них. Один из основных – отсутствие в названии диссертации точного указания на нижнюю границу исследования, хотя уже в предисловии, апеллируя к первым известным источникам, автор довольно точно определяет ее второй половиной 16 века. То же замечание – отсутствие чётко выявленной границы, но уже не хронологической, а смысловой – можно отнести к разграничению двух этапов английского влияния, связанных в два весьма различными периодами в английском ландшафтном искусстве, первый из которых восходит к эстетике позднего маньеризма, а другой связан собственно с генезисом и развитием английского пейзажного сада. Замечу, кстати, что при всем казалось бы радикальном различии оба этапа обнаруживают явное сходство, а именно: явный приоритет изобразительного («картинного») подхода в решении обустройства парков. Ведь обилие изобразительных форм – от вырезанных фигур до монументальных живописных композиций – по общему мнению, стало характерной чертой ранних английских «садов», отличающей их от итальянских или французских аналогов, которые (при всей свойственной эпохам маньеризма и барокко аллегоричности и эмблематичности) тяготели к пространственным и архитектурно-формальным решениям. Программная «картинность» пейзажных парков, где природные формы выполняют легко считываемую роль аллегорий и эмблем, видится прямым продолжением этой линии.

Рискну предположить, что это свойство английской парковой традиции стало одной из причин симпатии к английскому примеру со стороны русского заказчика, еще не принявших формально-пространственных решений европейского искусства Нового времени. Но это лишь предположение. А возникает оно от того, что автор, на наш взгляд, не вполне раскрывает причину интереса к английскому садоводству со стороны русских заказчиков в ранний период, когда с точки зрения развития европейского садо-паркового искусства

британская традиция много уступала итальянской, французской и даже голландской школам. В связи с этим стоило бы уточнить место и роль британского примера в сравнении со значением мастеров других европейских школ, игравших, как представляется, не менее заметную роль в российском паркостроении вплоть до середины 18 столетия.

Немаловажным был бы более емкий анализ генезиса возникшей в первой трети 18 века в Британии новой концепции пейзажного парка, что позволило бы точнее оценить причину ее популярности в России и особенности интерпретации на русской почве. В частности, речь могла бы пойти о традиции британской натурфилософии (лежащей в основе плантомании) и о появлении в трудах Э.Э.К.Шефтсбери ее новой моралистической линии, согласующейся с просветительскими идеями века и имевшей большое влияние на сложение культуры русского сентиментализма. Однако повторюсь, что данные замечания, или, скорее – пожелания, вызваны обилием и увлекательностью представленного материала, продуктивностью выбранного аспекта, наконец – актуальностью темы и ее очевидным потенциалом.

Все это позволяет заключить, что диссертационное исследование В.М.Чекмарёва имеет весомое научное и научно-методическое значение. Впервые введенные и уточненные автором материалы представляют обширную базу для дальнейших научных изысканий по теме, для усовершенствования учебных и просветительских курсов и для организации реальной работы по сохранению и реконструкции рассмотренных памятников.

Основное содержание диссертации полностью соответствует научной специальности 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура. Все основные содержательные моменты и выводы исследования отражены в автореферате и публикациях по теме диссертации.

По своей научной новизне, полноте и достоверности выводов, по актуальности поставленной задачи и убедительности ее решения работа отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор В.М. Чекмарёв, безусловно заслуживает присуждения ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура.

Н.В. Сиповская

доктор искусствоведения,

Директор Государственного института искусствознания.

